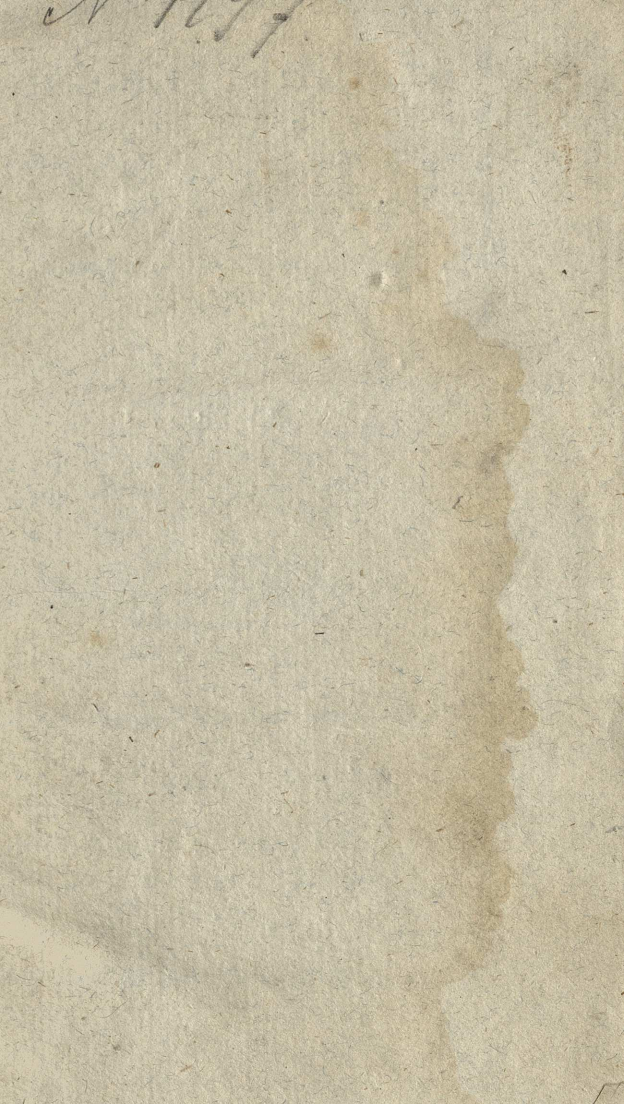

ВОСПИТАННИКЪ

ПРИРОДЫ.

Перевелъ съ Французскаго

Ѳ. Г.

Въ Санктпетербургѣ.

Печатана въ вольной Типографїи Вейтбрехта и Шнора, 1779 года.

ВОСПИТАННИКЪ ПРИРОДЫ

въ Коперберитскомъ рудникѣ.

Рожденный любовїю отрокъ повержен былъ почти при рожденїи своемъ въ обширныхъ Далекарлїйскихъ лѣсахъ. Бѣлая медвѣдица лишившаяся своихъ медвѣженковъ питала его своимъ млекомъ по тѣхъ поръ, пока онъ возмогъ кормиться желудками и другими дикими плодами; однако сїя лютая пестунья не столько содѣлалась счастливою какъ Ромулова львица; ибо она не воспитывала ни Царя, ни Завоевателя, но токмо любомудрца.

Благоприятный случай споспѣшествовалъ ему на двадесятомъ году его возраста протечь неизмѣримое пространство, которое отдѣляло его отъ сообщества людей. При первомъ

изракѣ себѣ подобныхъ разсуждалъ онъ тако: мысли его были здравы, но какъ связь оныхъ не довольно вразумительна; то мы предлагаемъ оныя здѣсь нѣсколько порядочнѣе.

„Пока пребывалъ я въ первомъ
„моемъ скитѣ, то думалъ, что я
„токмо одинъ въ своемъ родѣ: ибо я
„не походилъ ни на какое существо,
„съ коими жилъ въ лѣсахъ. Но сколь
„радость моя усугубилась купно съ
„моимъ удивленіемъ! Я вижу другихъ
„себѣ подобныхъ; мое бытіе размно-
„жается и сама природа съ того вре-
„мени кажется мнѣ несравненно пре-
„краснѣе когда познаю, что не одинъ
„я токмо достоинъ ей удивляться.
„Какими чудесами сіи подобные мнѣ
„раждаютъ во мнѣ чувствительнѣй-
„шую къ себѣ привязанность? Взоръ
„мой незапно оживляется; чело мое
„распрямляется отъ морщинъ; сердце
„мое отъ радости трепещетъ; бла-
„женство ихъ для меня драгоцѣнно,
„блаженство мое есть быти съ ними.
„Но

„Но что ето за новый предмѣтъ,
„коего взоръ мой точно опредѣлить
„не въ силахъ? Не есть ли онъ пре-
„восходнѣйшее предо мною творенїе?
„Какая живость въ лицѣ его! какое
„изящество въ осанкѣ! какое при-
„ятство въ очахъ! Неизвѣстное мнѣ
„движенїе приводитъ меня во тре-
„петъ; быстротекущїй пламень рас-
„паляетъ мои жилы; се мгновенїе, съ
„коего я всю цѣну моего бытїя ощу-
„щать начинаю. . . . Что же ето за
„дивное творенїе, созерцаемое очима
„моими съ толикимъ довольствомъ?
„Мнѣ кажется, что я его сильнѣе. . . .
„Нѣтъ, оно меня сильнѣе; я ему
„противиться не могу. . . . . Но да
„приближуся къ нему и повергну себя
„къ его стопамъ. Если оно божество,
„то оно приметъ мое жертводаянїе;
„если же равное мнѣ, . . . то также
„онаго не отрынетъ. Сколь блажен-
„нымъ я себя сочту, когда буду жити
„подъ его закономъ, жити съ нимъ,
„жити для него!„

При первомъ движенiи сего дикаго скитника, молодая Шведка, увидѣвшая его вострепетала и скорымъ бѣгствомъ сокрылася отъ рвенiя сего новаго своего обожателя; однако она довольно имѣла времени разсмотрѣть его столько, сколько ей было угодно и онъ ей показался непротивенъ. Сановитость сего Далекарлiанина столь же была превосходна какъ и у нея; осѣненный легчайшимъ пухомъ подпородокъ скрывалъ его лѣта, да и самый дикiй его видъ, изображенный въ чертахъ лица его принудилъ ея паки къ нему появиться. Она разсуждала, что сiе странное животное усмирить можно, и я не знаю какое врожденное побужденiе заставляло ея желать, чтобы усмирить онаго окромѣ ея никто не возмогъ.

Два брата оныя Шведки столь же любопытствуя о семъ какъ и она, но не столько страхобоязны, остановились на мѣстѣ, дабы увѣдать о причинѣ столь страннаго приключенiя;

нія; однако младый скитникЪ думая, что онЪ прекрасной иностранкѢ не понравился, казался быть нѢкоторое время погруженнымЪ вЪ глубочайшей задумчивости; но когда присутствіе сего прелестнаго предмѢта перестало дѢйствовать надЪ его чувствами; то онЪ паки пришелЪ вЪ себя, и изЪ страстнаго любовника сдѢлался глубокомысленнымЪ философомЪ.

„Сердце мое, говорилЪ онЪ самЪ „себѢ, есть для меня неудобор҃Ѣшимое „таинство. Я довольно ощущаю обя- „занность кЪ медвѢдицѢ, воспитавшей „меня своимЪ млекомЪ; но ощущеніе „сіе не столь сильно, каковое есть „влекущее меня кЪ подобнымЪ мнѢ „твореніямЪ. . . . Знаю ли я, что они „можетЪ быть, были моими благо- „творителями прежде, нежели я себя „познавать началЪ? СвирѢпый звѢрь, „давшій мнѢ воспитаніе, конечно меня „произвести не могЪ, по тому что „склонности его со всемЪ противны „склонностямЪ моимЪ; я всегда сЪ

 „ужа-

„ужасомъ смотрѣлъ когда онъ раз-
„диралъ біющіяся еще въ утренности
„сихъ жертвъ, кои насыщали его алч-
„ность ни мало не укрощая его свирѣ-
„пости; но самъ никогда не утолялъ
„жажды; моея кровію животныхъ од-
„нако я жилъ и живу такъ, что
„теперь вижу въ состояніи себя про-
„лить собственную кровь, только бы
„понравиться плѣнившему меня пред-
„мѣту, который столь далеко отъ
„меня убѣгаетъ. Все влечетъ меня
„къ симъ новымъ членамъ меня самаго.
„Какъ, не можетъ ли быть истинно,
„что сіи толь дражайшія для меня
„твари слѣдовали тѣмъ же путемъ
„въ мой скитъ, которымъ слѣдую я,
„чтобъ изъ онаго выйти? Что если я
„повѣрю ихъ слѣдамъ?... Если сердце
„мое меня не обманетъ?... О природа!
„осуществуй желанія мои, дай въ
„срѣтеніе мнѣ здѣсь даровавшихъ мнѣ
„животъ. Они безъ сомнѣнія меня
„возлюбятъ, когда я и медвѣдицею
„возлюбленъ былъ.„

Между

Между тѣмъ Шведы нечувствительно къ нему подходятъ и взаимное между собою свидѣтельствуютъ удивленіе. Они столько же дивились мечтанію сего скитника, сколько и сей дивился, видя ихъ разговаривающихъ между собою.

Столь врожденное между людьми сострастіе дѣйствовало въ нихъ мало по малу; они примѣтили, что скитникъ имѣлъ токмо дикость въ своемъ одѣяніи; и такъ два брата частію по воли, частію же силою отвели его въ свой домъ, дабы разсмотрѣть по желанію своему, какимъ образомъ обезьяна думать можетъ.

Мыслящее животное вскорѣ привыкло ко нравамъ своихъ новыхъ сожителей; оно научилось вкушать плоды отъ посѣянныхъ имъ самимъ сѣменъ; гортань его приобыкла къ произношенію Скандинавскаго языка; оно также возчувствовало, что и другіе союзы, окромѣ сострастія, при-

влекаютъ его къ подобнымъ ему, и радовалось уже познанію превосходнѣйшаго побужденія дружбы въ то время, когда зрители его веселилися еще токмо укрощеніемъ толь рѣдкія обезьяны.

Прекрасная Валдемара, сестра великодушныхъ странноприемниковъ Далекарліанина, жила отъ нихъ особо; однако сердце ея всегда обитало съ онымъ дикимъ скитникомъ; она ежедневно приходила навѣдываться о успѣхахъ его знаній; приобрѣтенное имъ просвѣщеніе почитала своимъ; она раздѣляла равно и снисхожденіе наставниковъ и признательность воспитанника; иногда встрѣчались ихъ глаза, и тогда они видѣли себя токмо двухъ, и вся природа въ забвеніи оставалась. Валдемара приходя паки въ себя непрестанно сѣтовала на то, что она столь долго для него предоставлялась, но болѣе еще казалась быть недовольною, когда скитникъ совращалъ съ нея свои глаза.

Все,

Все, что Далекарліанинъ ни видѣлъ, все что ни слышалъ, было для него новыя явленія: онъ походилъ нѣкоторымъ образомъ на человѣка, созерцающаго свѣтъ во время своего созданія и сомнящагося о бытіи всѣхъ видимыхъ имъ предмѣтовъ, по тому что все оное видитъ въ первые. Въ одинъ день прохаживаясь по отдаленному удолію и размышляя о двадцатилѣтней своей и настоящей жизни, когда вся юность его представлялась ему нѣкоторымъ пагубнымъ сномъ, отъ коего возбужденіе составляло его благополучіе, незапно пораженъ былъ ужаснѣйшимъ воплемъ злощастнаго, погубляемаго мучительною смертію корысти ради — Оные злодѣи послѣ того за годъ пойманы и во время колесованія доказали свою невинность симъ суетнымъ поученіемъ, что они присвоили себѣ право исправлять находящееся между людьми физическое неравенство, объявляя, что законъ сильнѣйшаго есть первый законъ природы, какъ то Махіавель

наставлялЪ Государей, а ІовЪ весь человѣческій родЪ.

ЕслибыДалекарліанинЪ слышалЪ сіи разговоры оныхЪ злодѣевЪ, тобы безЪ сомнѣнія онЪ удивился узнавЪ, что между людьми два рода нравоученія находятся; но вЪ то время когда видѣлЪ онЪ сію жертву, борющуюся о жизни своей отчаянно противЪ своихЪ губителей, то ему ниже на мысль приходило то, чтобы разсуждать. Но внимать стенанію злощастнаго и бѣжать кЪ нему на помощь были для него такія дѣйствія, которыя онЪ вЪ одно мгновеніе совершить хотѣлЪ. Однако онЪ поздо уже пришелЪ для предваренія беззаконія; ибо когда онЪ появился, то убійцы уже скрылись и невинность принесена была вЪ жертву ненасытному ихЪ корыстолюбію Тогда человѣколюбіе заставило его воздыхать. О мучители! возопилЪ онЪ вы другія матери недостойны какЪ моея. ОнЪ подходитЪ сЪ ужасомЪ кЪ обагренному

ному кровію тѣлу и трепещущему еще на прахѣ, видитъ .... ахъ какое позорище со всемъ для новаго сердца и неожесточавшаго еще отъ благополучія! видитъ, что тотъ несчастный есть одинъ изъ его благотворителей, братъ прекрасныя Валдемары; онъ повергается на тѣло своего друга, старается удержать текущую еще кровь изъ его раны, и сомкнувъ свои уста съ его устами, кажется якобы ожидаетъ послѣдняго издыханія, дабы воспретить оному изыти. Однако всѣ уже старанія его нѣжности были безполезны: Шведъ скончался, и что болѣе еще умножило горесть въ сердцѣ его друга, онъ скончался не познавъ его кто онъ таковъ.

Тогда дикій скитникъ имѣя ужасъ во очахъ и отчаяніе въ душѣ своей, терзался ужаснѣйшими размышленіями и лежа возлѣ тѣла своего друга, „я „не примѣтилъ, говорилъ онъ самъ съ „собою, въ прежнемъ моемъ жилищѣ,

 „чтобы

„чтобы медвѣдь раздиралъ медвѣдя,
„или бы елень пожиралъ еленя; но лю-
„тѣйшій звѣрь чтитъ себѣ подобнаго,
„да и въ то время когда уже нужда
„для сохраненія своея жизни принуж-
„даетъ его оставить свое логовище
„и ити на ловлю другихъ животныхъ;
„то онъ никогда не свирѣпствуетъ
„надъ безполезною корыстію и ярость
„его тотъ же часъ укрощается, какъ
„скоро насыщается его алчность . . .
Онъ еще все разсуждалъ, какъ между
тѣмъ толпа людей странно одѣтыхъ
подошла къ нему нечаянно; дикій
мудрецъ думая, что то были новые
злодѣи, спѣшилъ укрыться отъ нихъ
бѣгствомъ. Онъ во мнѣніи своемъ и
не много обманулся; ибо они были
алгвазилы, имѣвшіе долгъ отъ пра-
вительства стараться о безопасно-
сти народа; но какъ жалованье шло
имъ малое; то они за одно про-
мышляли съ убійцами, и искали ихъ
всегда по совершеніи ими злодѣйства.
Народъ и злодѣи равно были симъ до-
вольны; одинъ токмо прохожій былъ
жертвою

жертвою онаго учрежденія и приносился всегда въ закланіе корыстолюбію, дабы не допустить о томъ жалобъ ко престолу.

Старшина сихъ алгвазиловъ видя издалека мертвое тѣло и незнакомаго человѣка, сидящаго у ногъ его, сомнѣвался о истиннѣ онаго приключенія, но будучи самъ весьма проворенъ, то ни мало не давъ знать о томъ другимъ, желалъ явить предъ Стокгольмскимъ сенатомъ достохвальное свое раченіе взявши подъ караулъ вмѣсто убійцы посторонняго человѣка, коего вся вина состояла въ томъ, что онъ былъ человѣколюбивъ, когда ему надлежало быть токмо осторожнымъ.

Далекарліанинъ былъ стязанъ и отведенъ на судъ, и какъ онъ изъяснялся по шведски еще весьма слабо, то и въ оправданіе себя говорилъ не много, а при томъ и говорить ему со всею твердостію угнѣтенныя невин-

винности было запрещено. Такимъ образомъ хотя въ доносахъ на него окромѣ однѣхъ догадокъ ни чего и не оказалось; однако онъ единогласно почти осужденъ былъ на вѣчную работу въ Коперберитскiй рудникъ. (*)

Дикiй нашъ мудрецъ, который во время своего допроса ни мало не помышлялъ о смягченiи своихъ судей, но старался токмо доказать свою невинность, послѣ своего приговора также на

(*) Коперберитскiй рудникъ отстоитъ отъ Стокгольма на четыре сутки ѣзды. Описанiе оному предлагаетъ намъ нѣкто драмматическiй писатель слѣдующее:

„Сей рудникъ открывается въ весьма дальнемъ отъ него разстоянiи густымъ „дымомъ, который изходитъ изъ него „изо всѣхъ мѣстъ и представляетъ оный „болѣе Вулкановою кузницею, нежели жилищемъ людей. . . . . Мы вошли въ рудникъ чрезъ широкое отверзстiе, коего „чрезмѣрная глубина не дозволяла намъ „видѣть находящихся въ немъ невольниковъ, изъ коихъ одни подъимали камни, другiе вырасывали землю, а иные „отрывали отъ камней камни посред-

на нихъ и не роптать, а довольствовался единственно тѣмъ токмо, что сожалѣлъ объ нихъ. Онъ будучи уже на мѣстѣ своея неволи говорилъ самъ съ собою „и такъ человѣколюбїе не „есть мечта, поелику оно всякому не„безъ-

---

„ствомъ приуготовленнаго къ тому огня. „По томъ наши вожатые зажгли еловую „лучину, коея свѣтъ едва проницать „могъ, сквозь сугубую мрачность, какова „царствуетъ въ сихъ подземныхъ мѣ„стахъ и озарялъ не болѣе, какъ сколько „потребно было для различенїя ужаснѣй„шихъ предмѣтовъ, которые представ„лялись нашимъ взорамъ. . . Тутъ сѣр„ный смрадъ всякаго почти изъ насъ „удушалъ, дымъ ослѣплялъ глаза, а „жаръ приводилъ въ несносную сла„бость; къ сему присовокупивъ еще „стукъ молотовъ, который раздавался „по всѣмъ онымъ вертепамъ, также и „видъ нагихъ страшилищъ, которыя „въ нихъ работали, можно признаться, „что нѣтъ живѣе красокъ для представ„ленїя адскаго жилища, какъ сїя насто„ящая картина.

„Мы сошли болѣе нежели на двѣ версты „въ нѣдра земли ужаснѣйшими путями „опускаясь иногда по шатающимся лѣ„сницамъ, а иногда переходя по тон„кимъ доскамъ и находясь непрестанно

„безъизвѣстно даже и тѣмъ, кои оное
„въ разсужденіи меня и преступили;
„но что если бы я спасъ животъ моего
„благодѣтеля! если бы я былъ правъ
„предъ очами Валдемары!...

Онъ

„въ страхѣ, чтобы не низвергнуться
„въ пропасть... Тутъ встрѣтили насъ
„мертвымъ тѣломъ нещастнаго, кото-
„раго выносили на верхъ и который раз-
„давленъ былъ обвалившимися камнями,
„что въ оныхъ пропостяхъ ежедневно
„случается; ибо самый малый голышъ
„упадая съ высочайшаго мѣстаимѣетъ
„тоже дѣйствіе, каковое и обвалины ве-
„личайшихъ камней.... Изъ сего рудника
„добываютъ сѣру, купоросъ и

Плиній увѣряетъ, что *Римляне*, ко-
торые больше нужды ощущали въ лю-
дяхъ, нежели въ златѣ, никогда не по-
зволяли ископать онаго изъ найденныхъ
ими въ Италіи рудниковъ, дабы предо-
хранить своихъ согражданъ отъ могу-
щихъ отъ того воспослѣдовать опа-
сностей. . . . Сіе правило есть наипре-
мудрейшее и почти единое къ примиренію
меня съ симъ ратолюбнымъ народомъ.
Ибо умножаетъ ли силу государства
хотя наидрагоцѣннѣйшій металлъ? и
не могу ли я быть господиномъ злата
моихъ сосѣдей, ежели имѣю я болѣе
людей, нежели они?

Онъ не долго пребывалъ въ сей темницѣ, гдѣ ежечастно ожидалъ бѣдственнаго прекращенія дней своихъ, не возчувствовавъ всея горести жалостнаго своего состоянія; видъ непрестанно равномѣрный ужаснѣйшихъ предмѣтовъ, свѣтъ коимъ пользовался онъ отъ лампады, а наипаче воображеніе, чтобы Валдемара не почла его убійцею своего брата привели его въ жесточайшую задумчивость. Въ мысляхъ представлялъ онъ себѣ должайшій путь своихъ нещастій и на конецъ утомленъ уже будучи вопіять противу неправосудія людей вздумалъ покуситься подражать имъ въ дѣлахъ. Въ одинъ день (*) притворяся спящимъ на пометной кучѣ и валяжникѣ, служившихъ ему вмѣсто одра, въ мысляхъ своихъ располагалъ онъ слѣдующія поползновенныя предпріятія:

(*) Здѣсь надлежитъ примѣчать, что онъ не зналъ никакого различія между днемъ и ночью.

тія: „я рожденъ вольнымъ и безза-
„коніе моихъ судей не можетъ ли-
„шить меня сего преимущества, дан-
„наго мнѣ природою; и такъ я дол-
„женъ возвратить насиліемъ то со-
„кровище, которое у меня насиліемъ
„же похищено: да потщуся разо-
„рвать крѣпкія, препоны отдѣляющія
„меня отъ свѣта, и поелику смерть
„всего того, что меня окружаетъ,
„едина въ состояніи токмо открыть
„мнѣ путь къ свободѣ; то да со-
„храню свое бытіе, дабы располагать
„тѣми, кои меня безпокоятъ..... въ
„протчемъ ежели я и погибну, то я
„ничего не потеряю; если же погублю
„всѣхъ сотоварищей моего студа; то
„они насладятся вольностію, да и я
„также съ ними.„

Сіи неистовыя воображенія нача-
ли уже было возгоряться въ его серд-
цѣ; уже измѣрялъ онъ орудіе гла-
зами, долженствующее предать со-
товарищей его изъ объятій сна во
объятія смерти, какъ между тѣмъ
услы-

услышалъ онъ голосъ двухъ своихъ сосѣдей, которые умышляли подобное злодѣйство и сговаривались между собою въ слѣдующую ночь передавить всѣхъ жителей рудника, дабы истребить и самихъ тирановъ и тѣхъ, кои были жертвою ихъ тиранства.... Скитникъ нашъ, будучи симъ изумленъ и приведенъ въ замѣшательство увидѣлъ съ другой стороны множество околобродящихъ въ умѣ своемъ разсужденій: „Мое бы-„тїе, говорилъ онъ самъ себѣ, бу-„детъ безпокоить мнѣ подобныхъ „равно какъ и ихъ собственное без-„покоитъ меня самого. По чему же я „присвоиваю себѣ право располагать „ихъ жребїемъ? Ежели я оное имѣю, „то долженъ его раздѣлять со всемъ „человѣческимъ родомъ, и тогда „власть истреблять самихъ себя бу-„детъ законъ естественный. Нѣтъ, „нѣтъ, Богъ такъ самъ себѣ преко-„словить не можетъ: онъ не велитъ „быти вмѣстѣ согласїю и распрѣ. Я „не долженъ лишать себя единаго

„остав-

„оставшагося мнѣ сокровища, т. е. не-
„винности и спокойствія души . . . все
„блаженство міра есть прахъ предъ
„угрызеніемъ совѣсти.„

Между тѣмъ какъ Далекарліянинъ симъ образомъ сражался достальною добродѣтелію своею противу безумнаго своего воображенія; то прекрасная Валдемара не болѣе также была счастлива и спокойна; тѣнь погубленнаго ея брата другомъ своимъ долгое время гонялась за нею въ обитаемыхъ ею степяхъ. Она непрестанно укоряла себя въ томъ, что исторгла изъ нѣдръ своихъ сего изверга который ее столько терзалъ, и когда произносили предъ нею его имя, то прелести ея мало по малу отъ смятенія измѣнялись и вся ея душа начертавалась въ ея взорахъ; она взывала въ отмщеніе неблагодарнымъ гнѣвъ живущаго на небесахъ, приглашала истлѣвшій прахъ своего брата, проклинала его убійцу. . . Но она еще все его любила и къ сугу-

бому

вому ея нещастїю онаго скрыть не могла.

Сїе бѣдственное состоянїе продолжалось цѣлый годъ, и чувствительная Валдемара будучи снѣдаема внутренно печалїю приближалася тихими стопами ко своему гробу. Безпокойная жизнь изсушила розы ея ланитъ и изрыла бороздами ея чело; вся вселенная была для нее погибшею, но страсть обитала еще въ ея сердцѣ. Вдругъ слышитъ она, что найдены настоящїе убїйцы ея брата и что осужденный ея любовникъ лжесвидѣтельствомъ на вѣчную неволю, очищалъ беззаконїя въ глухихъ Коперберитскихъ вертепахъ для того, что былъ человѣколюбивъ безъ осторожности и великодушенъ безъ подлости.

Сїя новость паки влїяла радость въ Валдемару и тогда всѣ ея чувства получили прежнюю свою силу. ,,На конецъ сердце мое, возопила она, ,,открыло мнѣ истинну своего пред-

,,вѣщанїя,

„вѣщанія, и несчастный узникъ есть „достоинъ меня.. Но я достойна ли „еще его, я, которая не выслушавъ „отъ него ниже слова осудила его пре„ступникомъ, повѣрила болѣе клеве„тѣ его обвинителей, нежели свидѣ„тельству моея нѣжности, и по тому „столь содѣлалась дерзновенною, что „воспитанника природы почла винов„никомъ таковаго *убивства*?„

Столь смятенное состояніе не могло быть долговременнымъ. Ибо Валдемара, которая лутче желала подвергнуть себя скорѣе упрекамъ своего любовника, нежели долгое время опасаться оныхъ, вдругъ вознамѣрилась итти къ нему въ сію глубочайшую бездну, въ коей онъ былъ заключенъ. Она о предпріятіи своемъ никому не объявила, по тому что ей бы противуполагали благопристойность, (*) а она повиновалась одной токмо добродѣтели.

Когда

(*) Я примѣтилъ, что въ развратномъ вѣкѣ благопристойность обыкновенно есть добродѣтель тѣхъ, кои оныя не имѣютъ.

Когда Валдемара такимъ образомъ старалася возстановить тишину въ своемъ смущенномъ сердцѣ; то въ то время несогласіе взволновало жителей Коперберитскихъ темницъ, и нѣкоторые невольники стеная уже въ оныхъ съ давнаго времени, вознамѣрились изъ самихъ своихъ оковъ сдѣлать себѣ оружіе и ополчиться съ онымъ для открытія своея свободы. Далекарліанинъ тщетно покушаяся съ начала укротить мятежный ихъ духъ совѣтами и представленіемъ имъ естественнаго закона, былъ на конецъ принужденъ объявить о пагубномъ ихъ умыслѣ тѣмъ, коимъ надлежало быть жертвою онаго.... Вскорѣ послѣ сего возгарается брань въ подземныхъ пропастяхъ; поддерживаемые своды огромными столпами потрясаются; множество обрушивается камней изъ своихъ гнѣздъ; цепи ударяяся о цепи звенѣютъ; и словомъ все умножаетъ страхъ сего ужаснаго позорища, какъ то блѣдный свѣтъ лампадъ, озаряющихъ слабо

вѣчную ночь онаго жилища, сомнительное упованіе о избѣжаніи предстоящей гибели; и священные обѣты смѣшанные купно съ заклинаніемъ отчаянныхъ. Вездѣ сражаются съ равною свирѣпостію; ибо мятежники всегда страшатся или медлительной и жестокой казни, на которую они правительствомъ осуждаются или всѣми силами убѣгаютъ мучительной жизни. Когда казалось, что неистовство сражающихся доходило уже до высочайшей степени; то увидѣли нечаянно опускающійся на мѣсто сраженія стулъ, привязанный слабо къ веревкамъ и на ономъ сидящую младую дѣвицу, коея лѣта, прелести и орошающія ея лице слезы равно привлекали каждаго на себя ихъ взоры. Красота сіе преимущество имѣетъ, что она смягчаетъ самыя свирѣпыя сердца. И такъ вдругъ царствуетъ глубокая тишина въ сѣрной пропасти, оскверненной уже кровію мятежниковъ; сію неизвѣстную особу почитаютъ снизшедшею

съ

съ небесъ, и тѣ злосчастные, которые, будучи объяты пагубнымъ отчаянїемъ, представляли себѣ божество, держащимъ въ рукахъ молнїю, возмнили тогда объ немъ такъ какъ о благотворительномъ существѣ; однако неожидаемая оная иностранка обращала свои взоры со трепетомъ подъ сими ужасными сводами, исполненными развалинъ и труповъ. Тутъ страшное чудовище, обагренное кровїю и связанное оковами то приближается къ ней, то отступаетъ назадъ и паки возвращается съ поспѣшностїю; на конецъ вдругъ оба другъ друга познаютъ, подъемлютъ радостный вопль и со удивленїемъ вопрошаютъ: Увы! ето ты Валдемара?.... Ахъ, ето ты злосчастный узникъ?.... Они объемлются нѣжно, воздаютъ взаимное лобызанїе и проливаютъ купно радостныя слезы. Ахъ, безъ сомнѣнїя я предъ тобою невиновенъ когда паки вижусь съ тобою?... Да, конечно ты невиновенъ; но небо и земля единогласно положили

предать тебя измѣнѣ на цѣлый годъ. .. И такъ сердце твое мнѣ остается; сего для меня довольно, я умру спокоенъ Ты умрешъ!... Нѣтъ, ты будешъ жить; ты одинъ токмо замѣнить у меня можешъ мѣсто нѣжнѣйшаго изъ моихъ братьевъ, а можетъ быть и заставить меня объ немъ позабыть. . . . Но послушай, хотя Король еще и ничего рѣшительнаго не положилъ въ разсужденіи учиненнаго тебѣ неправосудія; однако онъ желаетъ тебя видѣть и ты съ сего мгновенія освобождаешся на вѣки изъ неволи: изыидемъ изъ сея ужасныя бездны, гдѣ стенала невинность, гдѣ и самыя беззаконія сверхъ мѣры наказуются, по тому что поношеніе остается незагладимо и тогда, когда уже угрызеніе совѣсти исчезаетъ; идемъ повергнуть себя ко стопамъ нашего Государя; я не стану омывать его ногъ слезами о помилованіи тебя, ибо онъ правосуденъ; но потщуся смягчить его сердце и къ симъ несчастнымъ;

ежели

ежели я облегчу бремя ихъ неволи; то безъ сомнѣнія и ты меня за сіе тѣмъ больше почитать будешъ и прежнія мои преступленія чрезъ оное забвенны будутъ.

Преходить непрестанно изъ жесточайшаго отчаянія на верхъ благополучія, видѣть во едино мгновеніе *сердце снѣдаемое* лютѣйшею горестію и исполняющееся паки радостію сладчайшею, и стоя уже при краѣ гроба вдругъ получить свѣтъ, добродѣтель и возлюбленную свою, есть такое состояніе, которое человѣкъ *единожды* токмо въ жизни своей испытуетъ и котораго глубокое впечатлѣніе не прежде, какъ вмѣстѣ съ его прахомъ исчезаетъ. Угнѣтенный Далекарліанинъ необычайнымъ благополучіемъ едва уже имѣлъ дыханіе; все видимое имъ почиталъ онъ за пріятное мечтаніе и опасался чтобы не возбудиться отъ сна... Что же касается до тѣхъ бѣдныхъ узниковъ, коими сіи добродѣ-

тельнѣйшїе любовники окружены были; то они увидѣвъ сїе толь нѣжное позорище, тотъ часъ покинули свое оружїе. Ибо какъ скоро возчувствовали они нѣкоторую надежду о перемѣнѣ своего жребїя; то возчувствовали также и угрызенїе совѣсти, и тогда содѣлались паки людьми.

Тогдашнїй Правитель Швецїи былъ Карлъ *XII*, коего добродѣтели и пороки равно приводили во удивленїе человѣчество. Онъ жилъ токмо для того, чтобы сражаться и лутче желалъ поколебать въ Европѣ всѣ престолы, нежели царствовать въ тишинѣ на своемъ.

Сей государь любилъ провосудїе, но нерѣдко исполнялъ оное со всею свирѣпостїю, приличною токмо ратоборцу, и тогда мщенїе за злодѣянїя болѣе причиняло зла, нежели пославленїе во оныхъ.

Когда

Когда услышалъ онъ о неправедномъ приговорѣ Далекарлїанина, то тотъ же часъ опредѣлилъ заключить всѣхъ судей въ Коперберитскїй рудникъ, и сей судъ безъ сомнѣнїя достоинъ былъ сего самовластнаго Государя, который послѣ того писалъ къ Стокгольмскимъ сенаторамъ, что онъ пошлетъ имъ свой сапогъ ими управлять.

Во время сихъ произшествїй Карлъ *XII* скончался; восприемница его Королева Улрика за благо разсудила уничтожить токмо сенатское опредѣленїе о Далекарлїанинѣ и повелѣла заключить въ темницу, изъ коея освобожденъ былъ оный скитникъ, сего негоднаго алгвазила, который еще больше наказанїя заслуживалъ, нежели его убїйца, по тому что онъ былъ его лжесвидѣтелемъ.

Сїя Королева облегчила также по прозбѣ чувствительныя Валдемары и плѣнъ Коперберитскихъ не-

 воль-

вольниковъ. Ибо она довольно уразумѣла, что они снося тягостный трудъ для государства, могли уже искупить нѣкоторымъ образомъ свою къ ней неблагодарность; сверхъ сего открыла она имъ путь и къ будущему ихъ благополучїю, ежели они токмо окажутъ себя достойными ея щедротъ, и возвративъ ихъ въ отечество свое, благоуспѣшно изъ преступниковъ содѣлала ревностныхъ согражданъ.

Все споспѣшествовало желанїю кроткаго Далекарлїанина; онъ вкушалъ сладость приятнѣйшїя жизни подъ премудрымъ тогда правленїемъ; пользовался искреннѣйшею дружбою всѣхъ чувствительныхъ особъ, кои небезъизвѣстны были о его несчастїяхъ, и на конецъ желалъ было соединиться вѣчнымъ союзомъ съ нѣжнѣйшею Валдемарою; однако добродѣтель его не довольно еще была испытана, и сей достойны витязь первыхъ вѣковъ мїра не былъ еще

на

на послѣднемъ позорѣ печальнѣйшаго явленія, долженствующаго увѣнчать благополучіе его негніющими лаврами.

Сей непотребный алгвазилъ, который съ начала неправедныхъ своимъ поступкомъ ввергнулъ въ несчастіе невиннаго, а по томъ самъ уловленъ былъ въ коварныхъ своихъ сѣтяхъ, не со всемъ еще окончалъ ужаснѣйшія свои беззаконія. Онъ будучи увѣренъ, что Далекарліанинъ, вмѣсто коего онъ осужденъ, нѣкоторымъ образомъ служилъ орудіемъ его гибели, то не входя еще въ Копперберитскій рудникъ умыслилъ наискверьнѣйшее отмщеніе. Онъ подговорилъ Шведку, съ которою долгое время жилъ незаконно, чтобы она отравила ядомъ мнимаго его непріятеля. Сія Шведка должна была войти въ домъ Валдемары подъ именемъ собезсѣдницы и пользуясь онымъ случаемъ поднести смертоносное питье нашему философу. Назначенный къ сему день, былъ день, который долженство-

ствовалЪ освѣщать бракЪ двухЪ искреннѣйшихЪ любовниковЪ; тогдабы брачное ложе уподобилось могилѣ, вЪ коей бы бѣдный скитникЪ погребался, а блѣдное и обледенѣлое его тѣло боролось бы сЪ наступающею смертїю вЪ самихЪ объятїяхЪ супруги, гдѣ ему надлежало бы умирать единственно отЪ высочайшаго токмо своего благополучїя.

Великїя беззаконїя иногда предпринимаются отЪ обыкновенныхЪ страстей, но вЪ дѣйство производятся токмо сильными. Шведка сїя не имѣла той бѣшеной склонности любви кЪ своему алгвазилу, которая часто влечетЪ людей кЪ явному мщенїю и нерѣдко ихЪ вЪ томЪ оправдаетЪ; но вся привязанность ея кЪ нему произходила отЪ одной корысти и сего тайнаго сострастїя, которое сопрягаетЪ два зараженныя злодѣйствомЪ сердца. Они были паче простые друзья, нежели нѣжные любовники, если токмо почтен-

ное названіе дружбы въ сихъ подлыхъ душахъ имѣть можетъ мѣсто, которые участвуя въ ней, и сіе высочайшее услажденіе въ жизни человѣческой осквернили бы гнусными своими поступками.

Далекарліанинъ держалъ уже въ рукѣ сіе смертоносное питье, но между тѣмъ нѣжно разсказывалъ о своемъ благополучіи, коимъ онъ наслаждался и желалъ, чтобы и все окружающее его возчувствовало оное. Шведка слушала его разговоры съ нѣкоторымъ движеніемъ; человѣколюбіе противъ воли ея говорило въ ея сердцѣ; она уже сама дрожала отъ того, что предприяла таковое мщеніе. Небо, говорилъ нашъ философъ, возвело меня на верхъ благополучія прервавъ всѣ препоны, долженствующія естественно удалить меня отъ онаго: я изсушилъ бездну горестнѣйшихъ бѣдствій; сердце мое, рожденное съ тѣмъ, чтобъ любить не могло изливаться въ объятіяхъ тѣхъ,

кои меня на свѣтъ произвели? . . . Какъ, развѣ у васъ родителей нѣтъ? . . . . . Ихъ никогда для меня не было; жестокосердая мать моя стараяся сокрыть стыдъ моего рожденія погубленіемъ своего сына, покинула меня въ лѣсу на разтерзаніе медвѣдицѣ. . . . Смятеніе ежеминутно умножалось въ сердцѣ Шведки; лице ея попеременно изъявляло всѣ виды сильнѣйшихъ страстей. Принужденное движеніе тотъ часъ протягиваетъ ея руку къ содержащему въ себѣ ядъ сосуду . . . Скажите мнѣ, вопрошаетъ она съ жаромъ, въ какомъ лѣсу васъ покинули? . . . Въ томъ, который находится въ смѣжности съ Далекарліею. . . Сколь давно? . . . Я думаю, что тому уже около двадцати лѣтъ. . . Едва онъ выговорилъ сіи слова какъ Шведка вдругъ подъемлетъ ужасный вопль, опрокидываетъ пагубный сосудъ и повергаяся къ ногамъ скитника, говоритъ: „Несчастный! познай мать „свою, умирающую отъ стыда у ногъ „твоихъ; я хотѣла погубить тебя

„при

„при твоемъ рожденіи, а теперь въ „отмщеніе за твоего отца намѣрялась „отравить ядомъ ... Слабость, нище- „та и злой навыкъ нечувствительно „умножили мои злодѣйства на мою „собственную гибель; уже жесточай- „шія угрызенія совѣсти начинаютъ „мнѣ мстить за тебя; оставь ей на „попеченіе карать меня достодолжно; „*я скоро на вѣки разстанусь* съ то- „бою; однако беззаконная смерть ни- „когда не загладитъ беззаконныя моея „жизни.„

Далекарліанинъ, который съ начала *разсуждалъ*, что всѣ союзы, сопрягающіе его съ родителями, осквернившими себя неслыханнымъ почти беззаконіемъ, были для него со всемъ расторгнуты, по тому что благодарность снискивается обязанностію, а не мщеніемъ, и для того болѣе почиталъ себя одолженнымъ воспитаніемъ медвѣдицы, нежели повернувшею его матерію въ лѣсу. Однако въ то время сіе ужасное умствова-

ніе уступило природной его чувствительности: онъ поднявъ Шведку, живи, сказалъ ей, живи, если жить станешь добродѣтельно, и ежели благополучіе мое почитать будешь своимъ, то все минувшее забвенно будетъ на вѣки, и ты называться станешь моею матерію.

Не смотря на все сіе, г..ойскій монументъ воздвигаемой въ честь природѣ скитникомъ, былъ еще токмо до половины довершенъ. Тѣнь отца его, который вмѣсто его препровождалъ жизнь свою въ горестной бѣдности и мучительномъ отчаяніи непрестанно за нимъ гонялась: онъ рѣшился на конецъ пасть къ ногамъ Валдемары .... „Возлюбленная моя, „говорилъ онъ ей, я долженъ наслаждаться сего вечера высочайшимъ „блаженствомъ въ объятіяхъ тво„ихъ; однако сердце мое не со всемъ „радостію исполняется; мнѣ надле„житъ еще жертвовать своимъ сча„стіемъ, чтобъ учиниться тебя до-

„стой-

„стойнымЪ. ТотЪ, который произ-
„велЪ меня на свѣтЪ, стенаетЪ вмѣ-
„сто меня во оковахЪ; я извѣстился,
„что случай предначальствовалЪ вЪ
„моемЪ рожденіи и что виновникЪ
„моея жизни посягая на животЪ мой,
„разорвалЪ для меня союзы естества;
„однако небо довольно его караетЪ,
„оставивЪ его собственной его волѣ.
„*Я теперь кЪ нему пойду и потщуся*
„паче возбудить вЪ немЪ испорченныя
„чувства, нежели оныя истребить
„постараюсь; и ежели успѣю содѣ-
„лать изЪ него человѣка, то можетЪ
„быть онЪ будетЪ достоинЪ назы-
„*ваться моимЪ отцомЪ*„ . . . Валдемара
обнимая его нѣжно вЪ своихЪ объя-
тіяхЪ, охотно согласилась на его
предложеніе. БракЪ ихЪ былЪ отсро-
ченЪ и оба любовника сЪ того вре-
мени еще болѣе другЪ друга почитать
стали.

Чувствительная Валдемара тотЪ
часЪ пошла просить обЪ отпуще-
ніи онаго узника у Королевы Сія
Прави-

Правительница столь была щедролюбива, что она за наивеличайшее почитала удовольствїе то, когда доставляли ей какой либо случай къ изъявленїю высокихъ ея щедротъ. Она приняла прошенїе Валдемары милостиво, не допустивъ даже и до того, чтобы ей воздали за сїе достодолжное возблагодаренїе . . . „*Я осу-*
„*дила его на сїю казнь*, *говорила она*,
„*желая токмо отмстить за притѣ-*
„*сненїе невинности; но когда жизнь*
„*его для васъ драгоцѣнна*, *то да бу-*
„*детъ онъ изключенъ изъ сея нево-*
„*ли; я причисляя его паки къ числу*
„*согражданъ исполняю единственно*
„*долгъ возложеннаго на меня сана:*
„*всѣ содѣланныя имъ преступленїя въ*
„*разсужденїи отечества предадутся*
„*вѣчному забвенїю, по тому что онъ*
„*вступитъ въ союзъ сродства съ до-*
„*бродѣтельною Валдемарою.* „

Далекарлїанинъ получивъ указъ объ освобожденїи своего отца, тотъ часъ пошелъ въ Коперберитскую яму.

Сїе

Сїе тайное предчувствованїе, которое ѳеатрЪ толь велелѣпно торжествуетЪ вЪ своихЪ герояхЪ, не имѣло никого дѣйствїя вЪ сердцѣ столь недостойнаго отца имѣть таковаго сына; онЪ взиралЪ на скитника, какЪ на жестокосерднаго тирана, пришедшаго ругаться надЪ несчастїемЪ побѣжденнаго имЪ врага; вдругЪ глаза его засвѣркали огнемЪ свирѣпости; желчь сердца его излилася даже вЪ гортань его; онЪ рветЪ силно цепи удерживающїе его вЪ темницѣ; философЪ нашЪ примѣчаетЪ всѣ его намѣренїя и кинувЪ кЪ нему сЪ холодностїю шпагу, . . . „рази „меня, сказалЪ, я сынЪ твой; я узнаю „своего отца по его ударамЪ; ибо ему „токмо остается растерзать сїю „грудь, которую и лютѣйшїя звѣри „почтили вЪ Далекарлїйских лѣсахЪ„ . . . Сей бывшїй полицейскїй приставникЪ не былЪ рожденЪ сЪ жестокимЪ сердцемЪ; но нужда, корысть и слабость довели его до такихЪ беззаконїй. Однако строптивость

его

его и злодѣянія не со всемъ еще притупили въ немъ чувства. Великодушіе его сына служило ему вмѣсто свѣта, который озарилъ всѣ его заблужденія.

Онъ съ ужасомъ отступилъ на задъ, закрылъ рукою свои глаза, какъ будто бы для усугубленія мрака печальнаго своего жилища, и подошедъ съ прерывающимся стенаніемъ къ сему герою, коего не дерзалъ онъ допущать на себя взоровъ. . . „До„вольно сказалъ, довольно я теперь „смущенъ. . . . Прошедшія мои беззако„нія и тѣ, кои нынѣ умышлялъ суть „толикогоратные для меня кинжалы, „раздирающіе мои внутренности. . . „Ахъ! если бы я и избѣжалъ отъ суда „людей, но могъ ли бы также из„бѣжать и отъ мщенія моего сердца? „Удалися отъ злодѣя, котораго без„законія усугубляетъ свѣтъ твой и „который безъ тебя, хотя бы и бо„лѣе былъ злочестивъ, но безъ со„мнѣнія не столько бы несчастенъ.„

Несча-

Несчастія слѣдуютъ токмо за преступникомъ; душа же ваша не съ тѣмъ произведена, чтобъ быть ей подлою; но конечно бы учинилась еще оною тогда, если бы она отчаевалась о своемъ возвышеніи. Виновникъ совѣстію мучимый не былъ никогда злодѣемъ, да и что мнѣ нужды, хотя бы жизнь ваша и подлинно была порочна? Ежели вы послѣднія вздохи своея жизни посвятите отечеству, то все прошедшее загладится. . . „Но „кто меня оправдаетъ? . . . Ты ли, о „сынъ мой? Ахъ не мѣшай мнѣ обра„щать къ ничтожеству сіи недостой„ные взоры воздѣвать на тебя. Я бы „желалъ, чтобы узница моя прибли„жилась далѣе къ средоточію земли, „дабы укрыться отъ всея вселенныя „. . . укрыться отъ самаго себя. . . . . Состояніе, въ коемъ я вижу тебя, отче мой, болѣе очищаетъ тебя отъ скверныхъ помысловъ, нежели жесточайшія казни людей: природа и отечество равно симъ удовлетворяются. Прими принесенный мною

тебѣ

тебѣ милостивый указъ и будь свободенъ; ибо я могу сказать, что паденіе отца моего служило токмо къ вящщему ознаменованію его добродѣтели и онъ бы не былъ столь великъ, если бы всегда былъ справедливъ.

Приставникъ долгое время пребывалъ въ глубокомъ молчаніи, изъявляющемъ болѣе краснорѣчія, нежели всѣ другія выраженія чувствительнѣйшей признательности. Онъ обнималъ колѣна Далекарліанина и омывалъ оныя слезами. На конецъ вдругъ поднявшись съ полу и сжимая руки философа, говорилъ ему: „Меня освѣ„щаетъ новый свѣтъ; я начинаю „ощущать себя достойнымъ назы„вать тебя своимъ сыномъ; ты не„будешъ раскаиваться въ томъ, что „былъ моимъ благотворителемъ; ибо „я уповаю начать жизнь другую и „дни, которые употреблю на подра„жаніе тебѣ, можетъ быть истре„бятъ изъ памяти твоей употреб„ленные мною на погубленіе тебя.„

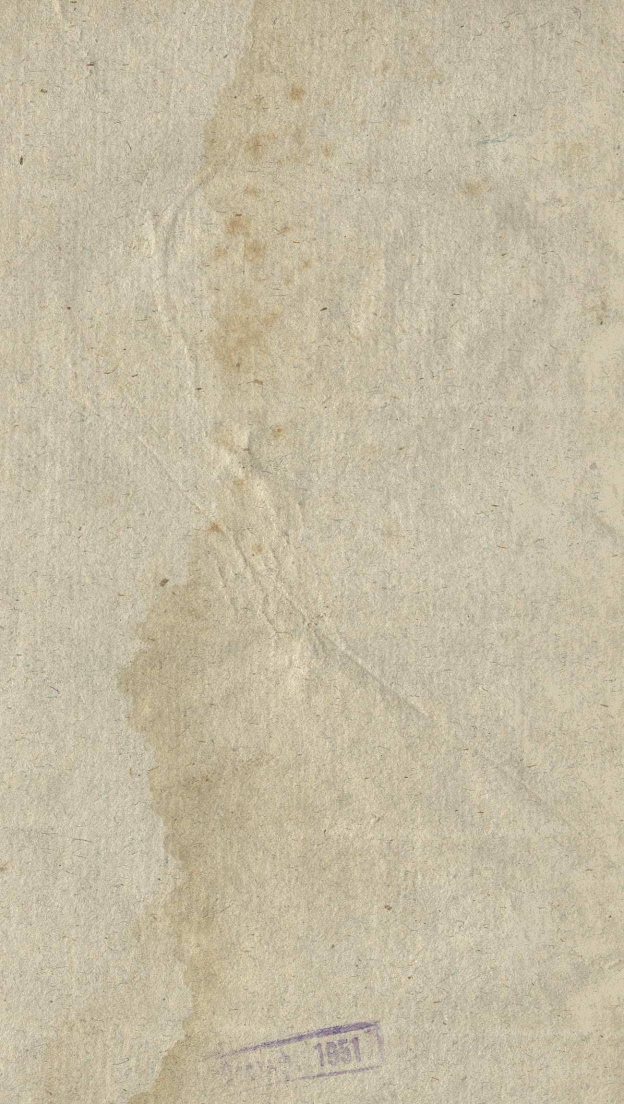
При-

Приставникъ видя себя освобожденнымъ, спѣшилъ соединиться законнымъ союзомъ со Шведкою, а Далекарліанинъ исполнивъ долгъ природы обратился паки къ любви.. О возлюбленная *Валдемара!* говорилъ онъ ей, кидаяся въ ея объятія, наконецъ имѣю я отечество, имѣю отца и супругу; я блаженнѣйшій изъ смертныхъ, я человѣкъ.

Конецъ.

1951